

А.В. Яковенко

**З.И. ФАЙНБУРГ И А.А. ЗИНОВЬЕВ – ДВА ПУТИ
В ОДНУ ЭПОХУ: О СХОДСТВЕ СКВОЗЬ ПРИЗМУ
СОЦИАЛЬНОЙ ПАМЯТИ**

Судьбы двух великих интеллектуалов прошлой эпохи З.И. Файнбурга и А.А. Зиновьева рассматриваются с фундаментальной позиции их схожести. Особый акцент сделан на трагической судьбе мыслителей, которые стремились создать общество социальной справедливости и которые знали о неготовности современного общества для действительно гуманистической траектории развития.

Ключевые слова: З.И. Файнбург, А.А. Зиновьев, человечество, марксизм, личная трагедия, общество.

A.V. Yakovenko

**Z.I. FAINBURG AND A.A. ZINOVIEV – THERE WERE
TWO PATHS IN ONE ERA: ABOUT THE SIMILARITY
THROUGH THE PRISM OF SOCIAL MEMORY**

The fates of two great intellectuals of a bygone era – Z.I. Fainburg and A.A. Zinoviev are considered from the fundamental position of their similarity. Particular emphasis is placed on the tragic fate of thinkers who strove to create a future society of social justice and who were aware of the unpreparedness of modern society for a truly humanistic development trajectory.

Keywords: Z.I. Fainburg, A.A. Zinoviev, humanity, Marxism, tragedy, society.

Сопоставительный анализ жизненных стезей двух колоссальных по внутренней энергии и социальному напору личностей – Захара Ильича Файнбурга и Александра Александровича Зиновьева – ценен балансом характеристик различий и сходств. И все же позволю себе сделать сознательный крен почти исключительно в сторону сходства. Данное примиренчество важно

не для них, и значимо исключительно для нас. Особенно в продолжающуюся эпоху искусственно культивируемых распрей, конфликтов, истеричных эскапад, базирующихся на противопоставлении вполне диалогичного и сопрягаемого. Это действительно кажется важным, когда вновь доминируют формы различия, а не содержательность единства, когда мы готовы прятаться за «отличительные черты», «исключительность» и прочие удобные основания, культивирующие антагонизмы, подпитывающие эгоистичность и упрямство, неплохо уживающиеся со стяжательством и деляческой расчетливостью.

Мало того, почти прагматично, в глобально-историческом плане они вполне типичны в своей атипичности. Такими личностями переполнена историография: региональная, страновая, мировая. Собственно, только подобного уровня ипостаси и выступают сутью или, как сегодня принято произносить, маркерами исторического процесса, одновременно попадая под беспощадный каток беспамятства времени...

Формальная точка отсчёта для сопоставления и совпадения жизненных траекторий даже слишком очевидна. Один год рождения, один вуз (МИФЛИ, МГУ). Оба почти одновременно были допущены в альма-матер перспективной интеллектуальной «красной элиты», не обманув чутье тех (или того) из соответствующих органов, кто позволил совершить им стартовый разбег. Да и потом многое в их судьбах похоже, хотя и не тождественно: война, непростое возвращение к учебе, правоверный, искренний, не доктринерский, не бюрократический, не казенно-фразеологический марксизм с постоянным неумным желанием действовать, созидать, как им казалось, самое справедливое общество, зачастую в ущерб личному комфорту и даже социальной безопасности и благополучию, тяга к художественному творчеству и к литературе как методу социального моделирования, приверженность диалектике (всепроницающему методу познания), внешняя и внутренняя нерелигиозность, постоянная системная внесистемность.

Оба они:

– удостоены отдельной ниши в научной классификации, представлены в главном «информационном авторитете» для неприязнательного студенчества – Википедии;

– великолепнейшим образом подпадают под все характеристики самоактуализированных личностей;

– слишком харАктерны и слишком честны перед собственным же представлением о личном предназначении;

– были «везунчиками» в житейском плане, несмотря ни на какие мелочи личной жизни. Они нашли женщин (один почти сразу, другой – не с первой попытки), достойных себя, понимающих их, помогавших им в их творческом пути и вдохновлявших на творческие подвиги, избавлявших от груза бытовых обязанностей, стремившихся принять, понять и поддержать их глобальные мировоззренческие и жизненные позиции.

Кроме того, оба, безусловно, знали и понимали «правила игры» административного поведения. Каждый со своей степенью примиримости/непримиримости таковые учитывал. Но в полной мере, особенно интеллектуально, с ними не смирились. Конечно, можно педалировать тему различий в степени и форме изоляции в периоды остракизма. В одном случае – вынужденная ссылка в провинцию и ограничения на публикации, в другом – вынужденная эмиграция за пределы страны. Но ныне это вряд ли принципиально значимо. Поэтому вернемся к «похожести».

В своей земной финишной точке оба они не были одиноки, ощущая, что любимы и хотя бы в этом отношении были спокойны. Уходили они в определенном достатке (по их меркам и представлениям), признанные, авторитетные и не отверженные. Напротив, реабилитированные. Особенно А.А. Зиновьев. Они знали, кто сбережет их материальные следы научной деятельности, не продаст и не растратит. Пережили высший лекторский триумф, аккумулируя вокруг себя огромные аудитории почитателей, просто внимательных слушателей [1, с. 8]. Если бы речь шла о банальном удовлетворении самореализа-

ции, однозначно можно было бы утверждать – их жизнь вполне сложилась.

И все же... Выиграв по абсолютному большинству житейских мерок индивидуальную жизнь, они её по одному, но очень важному, параметру проиграли. Проиграли перспективный горизонт своих чаяний, прогрессию будущего. Идеино, и в чем-то даже лично. Проиграли, поскольку покидали жизненный отрезок, не будучи уверены, что их колоссальная самоотверженная, волевая, интеллектуальная и физическая энергия не была затрачена впустую.

Один – З.И. Файнбург – понимал, воочию видел, как рушится советская система, с которой он связывал свои ожидания к переходу (как бы пафосно ни звучало) всего человечества в менее агрессивную стадию развития.

А.А. Зиновьев вообще застал, по сути, начало распада глобального порядка, очередной милитарный перерездел сфер влияния.

Начать свой беспокойный и благородный путь с мировой войны, вложиться судьбой в социальный прогресс и завершать его, наблюдая как вновь война становится средством перераспределения капиталов, способом упорядочивания финансово-экономических и политико-стратегических противоречий – жесточайшая социальная ирония и несправедливость к ним обоим. Довольствоваться малым они уже были не способны, а Большое взрывалось и рассыпалось на их глазах. И тот и другой с самого начала знали, что перестройка обречена и приведет к «перестрелке». Слишком близко они находились к псевдореформирующейся власти, слишком мощным обладали критическим и, без преувеличения, действительно системным мышлением. То, что для многих наивных, менее искушенных или невнимательных было сладким обманом, ими воспринималось как неотвратимая социальная трагедия.

Оба уходили из жизни, которую любили и в которой творили, в период упадка идейной платформы, которой всегда бы-

ли нравственно и мыследеятельно верны до конца, ощущали свержение органичного для них мировоззрения, наблюдали типичную картину отступничества и предательства вчерашних апологетов, оказавшихся весьма циничными политбюрократами и социальными приспособленцами. Один в своей работе «Не сотвори себе кумира» [2] предостерегал от краха, публично и страстно призывал принять экстренные меры, но в домашней обстановке с горечью говорил: «Их цель – золотой унитаз под задницей и ничего больше!!!»¹. Другой, уже после краха системы, в своей работе «Глобальное сверхобщество и Россия» вспоминал шутку времен перестройки: «... в Советском Союзе осуществлялся разгром КПСС под руководством ... КПСС» [3, 118].

Оба они не захотели и не смогли легко и непринужденно перепрыгнуть в новомодные политические и идеологические течения, оставшись скорее «марксистами старообрядцами», будучи в советские времена (вот она, злая ирония истории (!)) «марксистами прогрессистами» [4].

Именно научный марксизм был для того социального времени и места, в котором они волей жизненной случайности оказались, основной формой развития гуманитарного знания, методологией, в рамках которой можно было осмысливать закономерности общественного развития. И оба они, как и целый ряд других талантливых людей той эпохи, были ее схимниками, неизбежно, закономерно сваливаясь в научную «ересь», конфликтуя с «первосвященниками-фарисеями». Об этом много говорено и переговорено. Но опять-таки в глубинном смысле чувство собственного достоинства, сохранение своего мировоззрения и неспособность к клятвоотступничеству вряд ли способны компенсировать тяжелейшие личностные переживания и жесточайшее разочарование. Такие неординарные фигуры ма-

¹ Из личных воспоминаний Григория Захаровича Файнбурга (сына Захара Ильича Файнбурга), которому автор очень благодарен за идею публикации, содержательное редактирование и финальный абзац статьи, изменивший её трагический рефрен на толику надежды.

лопонятны в своем «чистоплюйстве» абсолютному большинству современников даже во времена, когда такое поведение официально пропагандировалось. И уж тем более непонятны в современных социальных условиях, когда индивидуальная выгода, особенно в её осязаемой материальной форме, поднята на пьедестал жизненного успеха.

Впрочем, их личное «поражение», состоящее в несопряжении хода реальной истории с желаемым ими, вполне типично для масштабных личностей. Оба оказались крайне одиноки в уникальности своих творческих возможностей, безусловно недостижимы для массового «ученого». Пиковые высоты научных устремлений З.И. Файнбурга и А.А. Зиновьева, по обыкновению, увы никем не могут быть поддержаны и продолжены (или же совсем уж единицами). Их интеллектуальные достижения, по сути запечатленное «Я», им обоим некому было передать. Остались бумаги, тексты, выкладки, заметки, имена, память близких. Но не более того.

Это и есть вечная трагедия и внутренняя боль неравнодушных, неистово и искренне рвущихся к истине и обнажающей её для других «носителей разума своей эпохи», в конце концов осознающих свое индивидуальное бессилие перед ресурсом социального времени, исторического момента, физических возможностей и тотальности человеческой некрофилии, глупости и мелкой расчетливости. Трагедия интеллекта, мечущегося между рациональным осознанием высочайшей вероятности обреченности современного ему общества и тлеющей в душе надеждой, само существование которой вступает в противоречие с требованиями объективного социального анализа, с научной необходимостью оценивать факты непредвзято, строго беспристрастно.

Два прекрасных человека оказались упрямее банальности обстоятельств и соблазнов, стремились им противостоять, но... были в историческом итоге «побеждены», как обычно, социальной инерцией и обывательским безразличием. В неявном соперничестве за дистанцию историко-научной памяти Александр

Александрович Зиновьев оказался, возможно, немного «успешнее» Захара Ильича Файнбурга. Но вряд ли такой результат был ему желателен и необходим.

Да, как выше уже отмечалось, оба они увидели, ощутили, пережили при жизни выстраданный и, безусловно, заслуженный научный, интеллектуальный, личностный триумф, собирая многолюдные аудитории. Но именно сила интеллекта и нацеленность на решение общественных сверхзадач наделяла их и четким пониманием мизерности этой славы, её скоротечности, а может быть и итоговой бессмысленности. Слушатели расходятся, а лектор остается наедине с самим собой, насытив их своей страстью и логикой мысли. При этом внутренне отчетливо ощущая бессилие перед социальным бездонным временем и пустой конкретностью скоротечного бытия...

Оба покидали жизнь, по сути, покорителями научных высот, уходили победителями, но, видимо, так и остались в душе не уверенными до конца в благополучной судьбе своих предвидений.

Осознавать, что твоя искренняя вера в лучшее будущее человечества мало кому кроме тебя сегодня нужна, видеть, как исчезает надежда на разумное мироустройство и утверждается доминирование очередной разновидности дегуманизированного общества с непредсказуемым, а скорее всего, предсказуемо фатальным исходом – нестерпимо мучительно...

Знать неизбежное, но творить и призывать к лучшему – вот главное сходство творческих и личных судеб двух неординарных мыслителей XX века – Захара Ильича Файнбурга и Александра Александровича Зиновьева!

Список литературы

1. Файнбург З.И. «Идти вперед!». Григорий Файнбург отвечает на вопросы Бориса Доктора // Телескоп: журн. социологических и маркетинговых исследований. 2017. № 1. С. 10–18.

2. Файнбург З.И. Не сотвори себе кумира... Социализм и «культ личности» (очерки теории). М.: Политиздат, 1991. 319 с.

3. Зиновьев А. Глобальное сверхобщество и Россия. Минск: Харвест; М.: АСТ, 2000. 128 с.

4. Файнбург З.И., Козлова Г.П. Коллективистское общество: Идеал. Теория. Реальность. Мемориальное издание / подг. к изд. – проф. Г.З. Файнбурга. 2-е изд., испр. и доп. Пермь: Изд-во Перм. нац. исслед. политехн. ун-та, 2013. 352 с.

Яковенко Андрей Вячеславович – доктор социологических наук, профессор кафедры социологии Луганского национального университета имени Владимира Даля, e-mail: bdaoav@rambler.ru.